

Номинация на премию Дилана Томаса

Лучшая книга месяца по версии журнала *Glamour*

Лучшая книга года по версии журнала *Time*

Лучший дебют года по версии читателей
на книжном портале *Goodreads*

Лучший дебют 2021 года по версии
газеты *Observer*

MEGAN NOLAN

*Acts of
Desperation*

МЕГАН НОЛАН

*Акты
отчаяния*

Перевод с английского

Любови Карцивадзе

phantom press

Москва

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)
Н80

ACTS OF DESPERATION by MEGAN NOLAN

Copyright © 2021 by Megan Nolan

Все права защищены. Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме для частного или публичного использования возможны только с разрешения владельца авторских прав.

Книга издана при содействии David Higham Associates Limited и Литературного агентства Ван Лир

*Перевод с английского Любови Карцивадзе
Редактор Игорь Алюков*

Оформление обложки Елены Сергеевой

Меган Нолан

Н80 Акты отчаяния: Роман / Пер. с англ. Л. Карцивадзе. — М.: Фантом Пресс, 2023. — 320 с.

Язвительно честный, мрачно смешной роман о токсичных отношениях молодой женщины с красивым, но холодным мужчиной. История рассказана в виде внутреннего монолога, героиня пытается понять, в чем суть истинных желаний женщины, ее ненасытности, любовной зависимости. И почему женщина готова на любые акты отчаяния, лишь бы ощутить себя любимой, почему женщина зачастую чувствует себя живой, только когда она находится в отношениях, даже если отношения для нее мучительны.

ISBN 978-5-86471-918-3

© Любовь Карцивадзе, перевод, 2022
© «Фантом Пресс», оформление, издание, 2023

Посвящается
моей маме Сью и моему папе Джиму

Но получил ли ты от жизни, что хотел?
Я получил.
Чего же ты хотел?
Именоваться Любимым,
Чтобы меня любили на Земле.

РАЙМОНД КАРВЕР, «ПОЗДНИЙ ФРАГМЕНТ»

Маленькая девочка семнадцати лет в психиатрической лечебнице
сказала мне, что напугана до ужаса, потому что внутри у нее атомная
бомба.

Р. Д. ЛЕЙНГ, «РАЗДЕЛЕННОЕ Я»

Апрель 2012
Дублин

I

КОГДА Я ВПЕРВЫЕ УВИДЕЛА ЕГО, МНЕ СТАЛО УЖАСНО его жаль.

Я оглядывалась в поисках выпивки, меня мучила жажда, и тогда-то все и началось.

Он стоял в галерее возле какой-то гротескной скульптуры — розовой, отдаленно похожей на что-то вроде мутировавшего человеческого уха.

Он увлеченно с кем-то беседовал, с горячностью то и дело показывая на скульптуру. Я поняла, что вижу его не впервые.

Однажды в библиотеке Ратмайнс я сидела напротив него и была поражена тогда, как и сейчас: самый красивый мужчина из всех, каких я когда-либо видела. Мы обменялись долгим взглядом.

Я в то время состояла в отношениях, но даже будь я свободна, то все равно не умела запросто вступать в разговор с незнакомым мужчиной. Позже я вспоминала его и решила, что он, вероятно, был в городе проездом. Такие люди — люди, которые вот так выглядят, не живут в Дублине или Ирландии, подумала я. Такие красивые люди не могут жить среди нас.

И вот он стоит в каких-то десяти футах от меня, и я снова не могу оторвать от него взгляда.

У Кирана были пушистые темно-русые волосы, какие бывают у совсем еще младенцев.

МЕГАН НОЛАН

Большие серые глаза и римский нос с горбинкой, под которым алел идеальный рот херувима. Неправдоподобно розовый, чуть скривившийся то ли в раздражении, то ли в готовности рассмеяться. Киран был высокий и сутулый — как человек, вытянувшийся слишком быстро и пытающийся скрыть свой рост.

Кисти рук узкие и непропорционально крупные — даже с учетом длинных конечностей.казалось, кости у него более хрупкие, чем у прочих людей. Черты лица тоже необычные, хотя сначала в глаза бросалось сложение. Скулы такие высокие, что глаза смотрели зло, когда он говорил, длинные пальцы в такт словам цепко хватали воздух, словно расставляли безделушки.

Но главным в Киране была не его исключительная красота, а то, что весь облик излучал бесконечную завершенность. Эта завершенность была в каждом жесте, во взглядах, в смехе. Кирану ничего не требовалось извне.

В подобном месте, обители искусства, ваш собеседник обычно озирается, высматривая куратора, а потому это особенно поражало. Киран казался если не совершенно счастливым, то неоспоримо цельным, словно весь его мир был заключен внутри него самого.

2

Можно ли полюбить человека, не зная его, с одного взгляда?

Как мне описать случившееся со мной без слова «любовь»?

Стоя в той галерее, я чувствовала не только сексуальное влечение (которое смутно осознавала белым шумом), но нечто, что я могу описать лишь как тяжелую и тревожную жалость.

Я вовсе не имею в виду, что чувствовала свое превосходство над ним. Почти всю нашу совместную жизнь я полагала, что Киран лучше меня как в сущностном, так и в поверхностном отношении.

Говоря про жалость, я имею в виду, что, просто взглянув на него, ощутила острую нежность к увиденному: он был человеком. В тот момент обыкновенные симпатия и сочувствие, которые я испытываю к любому человеку, обострились до такой степени, что я не могла дышать.

Даже сейчас, даже после всего, что произошло между нами, я по-прежнему чувствую, что он задевает меня за живое.

Киран не был ни первым красивым мужчиной, с которым я переспала, ни первым мужчиной, вызвавшим у меня навязчивую одержимость, но это был первый мужчина, которого я боготворила. Его телу предстояло стать для меня молельней, местом,

МЕГАН НОЛАН

где я могла забыть о собственной плоти и слиться с его. Это было абсолютное наслаждение, абсолютная красота.

По-вашему, я не осознаю, что называю его тело местом, объектом? По-вашему, я не осознаю, что такое быть женщиной, говорящей так о теле мужчины? Что я знаю о теле мужчины — и может ли хоть один из них заслуживать или нуждаться хотя бы в толике такого благоговения?

Каково это — быть красивым, но в то же время невидимым, стоит только захотеть? Каково быть красивым мужчиной?

3

КИРАН ПОЙМАЛ МОЙ ВЗГЛЯД, СЛЕГКА УЛЫБНУЛСЯ и округлил глаза — как я надеялась, в память о нашей предыдущей встрече. Я подошла к нему, и он, прервав разговор, повернулся ко мне.

— А, это ты, — сказал он, словно мы договаривались встретиться.

— Она самая, — глупо сказала я и покраснела, услышав свой голос как бы изнутри собственной головы. Он звучал очень по-ирландски и был натужно весел. Киран говорил с акцентом, который я не смогла определить.

— Как тебя зовут? — спросила я.

— Киран, — сказал он и, словно прочитав мои мысли: — Но у меня только отец ирландец, а сам я датчанин.

Я встретила с ним взглядом, и стыд во мне смыло удовольствием, уже соединившим нас.

Мы застенчиво улыбнулись друг другу.

— Как тебе выставка?

— Ну, — я постаралась ответить как можно быстрее и уклончивей, — это ведь просто уйма всякой всячины в какой-то комнате. Я не особо западаю на такое. Меня тут больше выпивка интересует.

Он оставил без внимания мои последние слова, сказанные с целью вывести нас оттуда, где мы находились, туда, где я ощущала бы себя комфортней.

МЕГАН НОЛАН

— Разве наша задача не в том, чтобы попытаться понять, почему вся эта всячина именно в этой комнате? — спросил он.

Я поискала в его вопросе насмешку, но он, казалось, задал его без задней мысли.

— Просто с искусством я никогда не чувствую себя на твердой почве. О других вещах у меня есть некоторые знания, так что я могу их обсуждать. А тут я могу сказать все что угодно. У меня просто нет точки отсчета.

Он снова улыбнулся мне. Теперь в его взгляде появилось что-то определенно сексуальное, почти злое.

— Как раз это мне больше всего и нравится в искусстве.

— Может, чего-нибудь выпьем? — спросила я.

— Я ухожу, да и выпивка у них все равно закончилась — вот, возьми. — И он протянул мне свой почти полный бокал с пивом и поднял свою сумку. — Не хочешь прогуляться вместе завтра?

Приняв мой тупой взгляд за согласие, он написал на салфетке номер телефона и протянул мне.

— Хорошо, — сказал он и ушел.

4

В то время я жила в Рэнела*, в однокомнатной квартирке на первом этаже; окно я всегда держала открытым, чтобы забраться внутрь, если потеряю ключи, что часто случалось. В первый вечер после переезда, разобрав вещи, я сидела на кровати и оглядывала памятные мелочи и пустяки: рисунки и записки от друзей и бывших возлюбленных, открытки, фотографии, фарфоровые фигурки, антикварные пепельницы. Я нуждалась в этих вещах, расставляла их сразу же, перебравшись на новое место, но в тот момент они показались мне глупыми. Все эти безделицы походили на реквизит плохой театральной постановки, имитировавшей индивидуальность, которой не существовало.

Начав жить одна, я стала отделяться от самой себя — глубже и гротескней, чем прежде.

Существовала моя социальная жизнь — жизнь, в которой я работала, ходила танцевать и выпивать, в компаниях была забавной и энергичной; в которой я строила глазки мужчинам в барах и иногда приводила их к себе; в которой я говорила людям, что люблю жить одна, и они верили, потому что я выглядела такой счастливой.

* Район Дублина. — Здесь и далее примеч. перев.

И я действительно была счастлива, когда казалась счастливой. Я не умею изображать чувства, просто чувства мои противоречивы и меняются от часа к часу.

А еще была жизнь, которую я проводила в своей квартире, едва ли не пытками принуждая себя к покою и безмятежности. Я неспособна наслаждаться одиночеством и, понимая, что неспособность эта — признак слабости, заставляла себя терпеть одиночество как можно дольше, до надрыва, хотя порой и думала, что вот-вот спячу.

Находясь среди людей, я ощущаю, будто я состоялась. Отсюда же и потребность во влюбленности. Если ты влюблена, то тебе не требуется ежеминутное физическое присутствие объекта твоей любви, чтобы чувствовать свою состоятельность. Сама любовь поддерживает тебя, придает осмысленность самым паршивым мгновениям, которые в противном случае ты провела бы, уверяя себя, что ты личность, меряя шагами свою сраную квартирку, дожидаясь семи, чтобы откупорить вино.

Влюбленность осеняет благодатью. Один друг как-то сказал мне, что за работой воображает, будто на него смотрит его отец, а то и Господь, а это помогает сосредоточиться. Для меня эту роль играет влюбленность — щит, высшая цель, обещание, данное чему-то извне.

В вечер нашей первой встречи с Кираном я напилась как никогда. У меня два вида опьянения. Первое обычно наступает, когда я пью в одиночку с единственной целью развеять тоску. Это опьянение медленное — бокал вина примерно раз в полчаса, — довольно умеренное, хотя я никогда не вы-

пиваю меньше бутылки, и заканчивается все слезливой жалостью к себе, иногда переходящей в ненависть.

Другому, куда более безудержному виду опьянения сопутствует бьющая через край, почти маниакальная бодрость; в такие вечера я спускаю огромные суммы, которые позволить себе не могу, — а все потому, что все, что лежит за пределами настоящего момента, кажется абсолютно нереальным, а сиюминутные желания — самыми важными и безотлагательными.

В такие вечера невоздержанность моя вовсе не была спутницей уныния, напротив — она свидетельствовала о том, что я молода, обязательств у меня нет, а жизнь моя стабильна. Обычно такой вечер можно было предугадать по какому-то озорству, разливавшемуся в воздухе, когда мы принимались за выпивку. Первые порции мы опрокидывали залпом, жадно предвкушая ощущение раскованности и экзальтации. У каждого из нас уже имелся комплект обманутых ожиданий.

В подобные вечера я иногда встречала людей, не похожих на меня — из богатых семей, обитавших в квартирах, подаренных им родителями так же запросто, как мне дарили браслеты с брелоками и купоны на книги в день рождения. Один такой парень, Роджерс, — жилистый коротышка с высоким пышным начесом светлых волос а-ля «Возвращение в Брайдсхед», колыхавшимся над фарфоровым лицом, — вылетел из университета примерно в то же время, что и я. Через несколько месяцев я столкнулась с ним на вечеринке и спросила, чем он занимается. И с удивлением услышала, что он подвизается

на средней должности в крупной рекламной фирме, — но ведь нам обоим было всего по девятнадцать и мы оба не имели дипломов. Сама я подрабатывала за мизерные деньги в магазинах и барах.

Когда я по простоте душевной спросила, каким образом ему удалось так устроиться, он подмигнул и сказал:

— Фамилия Роджерс кое-что значит в этом городке!

Заявление само по себе довольно отвратительное, но когда наш общий друг обмолвился, что фирма принадлежит родителям коротышки, оно мне показалось еще и нелепо смехотворным. «Фамилия Роджерс кое-что значит в семье Роджерс», — с праведным возмущением думала я про себя с тех пор при каждой нашей встрече.

Как и большинство моих друзей, я была правильной пьяницей: не только любила выпить, но и умела это делать, не впадая в агрессивность по мере опьянения.

Мою жизнь отравляли похмелья. Едва ли не каждое утро я просыпалась с похмельем, причем дважды в неделю — с тяжелым. Тогда я весь день валялась в постели, безучастно и бесцельно копаясь в телефоне, замыкалась в этой спасительной заикленности. Часа в четыре я вглядывалась в солнце сквозь занавески и решала, что лучше уж пересижу дома до темноты. Мне было очень страшно.

Однажды я прошла тест, определяющий уровень алкогольной зависимости. Последний вопрос в разделе, который должен был выявить «алкоголизм на последней стадии, опасной для жизни», звучал так: «Часто ли вы просыпаетесь после запоя вне себя от

страха?» И тогда я подумала: «Вне себя от страха — в самую точку».

Вне себя от страха. Точное определение какого-то старческого ужаса, с которым я просыпалась. Он напоминал кинематографические образы балансирующих на грани слабоумия старух-вдов, которые перестали ориентироваться в собственном доме, — их снедали беспричинные тоска и смятение. Вне себя от страха я просыпалась регулярно.

Уильям Фолкнер на последней стадии алкоголизма отправился в Нью-Йорк навестить друзей и посмотреть несколько пьес. Через десять дней беспробудного пьянства он исчез. Один из его друзей пришел к нему в гостиницу его проведать и, не доставшись и не дозвавшись Фолкнера, настоял, чтобы сотрудники гостиницы впустили его в номер. Ворвавшись в комнату, они нашли стонущего в полузабытьи писателя на полу в ванной.

В воздухе висело характерное зловоние. Несмотря на минусовую температуру, все окна были нараспашку. Ночью Фолкнер встал, чтобы опорожнить желудок, и упал на трубу радиатора. Он потерял сознание и несколько часов не чувствовал, как труба прожигает ему спину. К тому времени, как его обнаружили, он заработал ожог третьей степени.

В больницу вызвали врача Фолкнера, доктора Джо, и тот спросил его:

— Зачем вы так себя ведете?

Фолкнер якобы набычился и ответил:

— Потому что нравится!

К нему приехал его издатель Беннет.

— Билл, — сказал он, и я представляю, как он смотрел вниз на свои ладони и покачивал головой,

МЕГАН НОЛАН

не в силах встретиться взглядом с другом, — зачем ты поступил так в свой отпуск?

Фолкнер ощетинился:

— Беннет, это ведь был мой отпуск.

Зачем ты так себя ведешь? Потому что нравится.

То есть не то чтобы я получала от этого удовольствие, но это был мой выбор.

Ибо не понимаю, что делаю: потому что не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю. Бедный я человек! Кто избавит меня от сего тела смерти?

Римлянам, 7:15—25

Вечером после знакомства с Кираном я пила, пока меня не вырвало. Сосуды вокруг радужки полопались, и я нежно провела пальцем по зеркалу, уверенная, что это новое начало.

Литературно-художественное издание

МЕГАН НОЛАН
*Акты
отчаяния*

Роман

Перевод ЛЮБОВЬ КАРЦИВАДЗЕ

Редактор ИГОРЬ АЛЮКОВ

Художник ЕЛЕНА СЕРГЕЕВА

Корректоры ОЛЬГА АНДРЮХИНА, ОЛЕСЯ ШЕДЕВР

Компьютерная верстка ЕВГЕНИЙ ДАНИЛОВ

Главный редактор ИГОРЬ АЛЮКОВ

Директор издательства АЛЛА ШТЕЙНМАН

Подписано в печать 14.12.22 г. Формат 84×108/32.
Печать офсетная. Усл. изд. л. 16,8. Заказ № 2208770.
Тираж 3500 экз. Гарнитура «Свифт».

Издательство «Фантом Пресс»:
Лицензия на издательскую деятельность код 221
серия ИД № 00378 от 01.11.99 г.
127015, Москва, ул. Новодмитровская, д. 5А, 1700
Тел.: (495)787-34-63
Электронная почта: phantom@phantom-press.ru
Сайт: www.phantom-press.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97.

По вопросам реализации книг
обращаться по тел./факсу (495)787-36-41

